

лении к „Слову“ и второй раз в основной его части. Здесь мы видим совсем иное толкование текста, чем то, которое пытается защищать Н. К. Гудзий в своем изложении увлекшей его ошибочной точки зрения.

Посмотрим, однако, действительно ли неожиданна во вступлении начальная фраза „Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце“.

Н. К. Гудзию кажется, что получается „логически последовательное и связное чтение“, если вслед за словами „наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“ идут слова „О Бояне, солловію стараго времени! Абы ты сіа плѣкы ущекоталь“. Н. К. Гудзий подчеркнул слова „сіа плѣкы“, т. е. он думает, что раз упомянул автор „Слова“ о „плѣках“, то естественно сейчас же и последующее упоминание о них в обращении к Бояну. Так действительно может показаться более естественным и логичным, если отвлечься от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, которое прежде чем заподозривать в ошибках, как это часто делалось многими учеными (вспомним А. А. Потебню, Ф. Е. Корша и др.), надо стараться понять. Известно, сколько ошибок, ошибочных предположений, теорий, статей повлек за собой этот скептический метод, метод заподозривания, и что многое из того, что было непонятно в „Слове“ и потому заподозрено, разъяснилось благодаря второму методу, методу уяснения и стремления понять „Слово“.

Нам кажется невозможным, чтобы вслед за упоминанием о полках Игоря, сейчас же шло обращение к Бояну с призывом воспеть эти полки. Это было бы совершенно художественно неубедительно. Прежде всего надо выяснить значение слова „плѣкы“ в первом и во втором случае. В первом случае оно означает, очевидно, ратников Игоря. Если принять перестановку, то во втором случае более логичным и естественным было бы признать, что слово „плѣкы“ означает то же самое (как это, повидимому, и полагает Н. К. Гудзий), и исключительный пафос обращения к Бояну, пафос воспевания этих ратников, „летая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба полы сего времени“, оказывается мало оправданным. Поэтически еще недостаточно охарактеризована их готовность совершить героические подвиги, имеется еще только заявление о том, что Игорь „наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“.

Поэтому чрезвычайно уместно, более того — необходимо, было кратко охарактеризовать главного героя „Слова“ Игоря, рыцарскую его доблесть, его поход, смелые цели похода, страшное „знамение“, предвещавшее недоброе. И только после этого, после замечательных слов Игоря: „луцѣжь бы потяту быти, неже полонену быти“ и „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“, оправданным оказывается исключительный пафос обращения к Бояну. И во втором случае слово „плѣкы“ оказывается не простым повторением, а насыщено большим, глубоким содержанием, его значение углублено, расширено, и здесь оно означает уже не только ратников Игоря, а и поход этих ратников.

Итак, обращение к Бояну идет после того, как охарактеризованы „полки Игоревы“ как со стороны силы жажды борьбы „русичей“ против захватчиков половцев, стремящихся поработить родину, так и со стороны тяжких трудностей этого похода, так как враждебная сила выступает как стихийная, мрачная и грозная сила, страшная в своей противоестественности. Это и выражено грозным знамением, причины которого необъяснимы.